

Молитвы Косой отрицает на том основании, что если бог всемогущ, незачем его „учить“, он прежде людей должен знать их нужды. Рассуждения Косого здесь поражают строгой и рационалистической логикой.

Критика внешней обрядовости также нужна Косому не сама по себе. Она необходима ему для того, чтобы отвергнуть монашество, проводящее жизнь в подобных „подвигах благочестия“, чтобы обрушиться на могущественнейшую организацию и опору церкви — монастыри. „Монастыри же во Евангелии и законы их и уставы несть писаны“.¹ Однако Косой отрицает монашество не по одним только чисто религиозным, но преимущественно по социальным мотивам. Главное основание для своей критики он видит в паразитизме, в стяжательстве монастырей. И здесь, высказываясь по злободневному и бурно обсуждавшемуся вопросу времени, Косой идет дальше нестяжателей; он ссылается на идеологов этого направления, но делает гораздо более решительные и смелые выводы. Феодосий Косой понимал, что паразитизм, эксплуатация захваченных у крестьян земель являются необходимым условием существования любого монастыря, его основой. И он требует уничтожения всех монастырей, не только „стяжательных“, потому что он против всех „стяжаний“, а не только крупных, какие осуждались нестяжателями. В своих высказываниях Косой нигде не разделяет монастыри на стяжательные и нестяжательные, а имеет в виду все монастыри вообще:

„Несть писано во Евангелии и во Апостоле примати села в монастыри или церквам, и се человеческое предание есть“.² „Но монастыри, заповеди, претупающе нестяжания, имеют села. И о том добре писа князь Вассиан инок, такоже и Максим Грек много о том глаголет и много писа слово от лица любостяжателя и от лица нестяжателя прерочно“.³

Относя монастыри к „человеческому преданию“ и „внушению диавола“, совлекая тем самым „покров святости“ с этого учреждения, Косой высказывается за его уничтожение:

„Монастыри человеческая предания и в них законы и уставы предаша по своих воли и обычаю“.⁴

Так же непримирим он в отношении поклонения святым православной церкви. Социально острые, эти взгляды Косого рационалистичны и смелы. Он приравнивает всех святых к обыкновенным мертвецам и обвиняет церковь в обоготворении мертвецов. Мертвые ничем не могут помочь живым, а им заставляют поклоняться, отвращая от истинного бога. Он обвиняет официальную церковь в том, что она подменяет „настоящего“ бога подставными идолами, мертвецами:

„Глаголет Косой: которое православие в Руси, или како может православие быти в них? Обоготвориша бо мертвых и молятся мертвым, аки богу, и от них помощи просят. На них писано во пророде, еже живые от мертвых помощи взыскупают, оставивше бо самого бога к мертвым прибегают“.⁵

Уличая церковь в этом обмане, Косой подчеркивает, что „епископи“ сами „нарекают“ святых, сами сочиняют их жития (только за счет

¹ Истины показание. . . , стр. 888.

² Там же, стр. 923.

³ Там же, стр. 890.

⁴ Там же, стр. 888.

⁵ Там же, стр. 438.